

ПОЭЗИЯ

ПОЭТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

НИКОЛАЙ КОНОВСКОЙ

В ГОРАХ

Зной полуденный, хлад, и звезда кременистой глуши,
И сплетение крон, и замедленной птицы паренье...
Говорят, по ученью, что вроде и нету души
В этом чающем слова пронзительном Божьем творенье.

Грани блещущих скал в голубом неподвижном дыму.
Дышит вечностью мир, дышит жизнь леденисто-безгрешно...
Словно с близкой душою — скажи мне тогда — почему
С этим каменным сном так легко, и светло, и уютно?

СОН НА ПОКОСЕ

С пронзительным свистом серебряно сбитые росы!
О, пламень холодный! О, тяжесть затёкшей спины!..
Как долгод и сладостен сон на полдневном покосе
Под тенью сквозящую грузно сметённой копны!

Лежишь бездыханно, раскинув тяжёлые руки,
Усталою плотью духовных не ведая пут.
Лишь где-то глубоко возникнут незримые звуки,
И так же неслышно в бездонную вечность уйдут.

г. Москва

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВ

* * *

Белой сиренью окутан,
Домик притихший стоит:
Может быть, в эту минуту
Кто-то в него постучит.

Может быть, скрипнут ступени,
Дверь распахнётся вот-вот —
В белом порыве сирени
Давний хозяин войдёт.

Но за минутой минута
Сходятся кругом в часы.
Окон сияние мутно
В меркнущих звёздах росы.

Белой сиренью окутан,
Домик стоит в полумгле.
Кто он, зачем и откуда
Явлен на этой земле?

Долго ль оглохшею тенью
Будет стоять и стоять?..
И, задыхаясь сиренью,
По-человечески ждать?..

г. Москва

НИКОЛАЙ БАРСКИЙ

НА ВЕРШИНЕ УВАЛА

Щётки пырея, кусты, ковыли,
Тропка, заросшая жёсткой травой,
Шапки холмов в зыбком зное вдали,
Край горизонта с каймой бороною...

К верху увала, овраг миновав,
Я то и дело ходил над затоном
Мимо дышавших прохладой дубрав
И утопал в разнотравье зелёном.

Глянeshь вперёд — будто в рай угодил:
С небом в ладу, с ликованием на воле,
Если бы сзади — не плиты могил,
Если бы слева — не дикое поле,
Не деревенский разор в суходоле.

Светловолосый пшеничный простор,
Злато подсолнухов, рожь голубая —
Не позабытые мной до сих пор
Нивы цветущие волжского края.

Нелюди Русь на измор обрекли,
Нас выживая с родимой земли.
Сдюжим беду. С нами будут навеки
Хлебные волны, кусты, ковыли,
Тропы заветные, сосны и реки.

*г. Мытищи,
Московская обл.*

ГАЛИНА СЛЁЗКИНА

СТАРЫЙ ДОМ

Старый дом на краю села,
Веет вьюга белым-бела.
По колено вётлы в снегу,
Позабыть вовек не смогу.

И не вспыхнет в окошке свет,
Подвесной колыбельки нет...
Будто тысячу лет назад,
В ней “баюкался” младший брат.

И в ромашках луг по весне...
Старый дом — это лишь во сне.
Наяву только маета,
И толпы городской суета.

Город каменный, без души,
Всё, толкаясь, орёт, спешит.
Предала ручья синеву,
И в тебе, нелюбимом, живу.

А во сне не могу понять:
Где же дом? Где вётлы стоят?
Только вьюга метёт опять,
На погосте и мать и брат.

Белгородская обл.

НИКОЛАЙ ОБОЛОНСКИЙ

* * *

Ночью стужа с небес натекла,
Позаполнила ямины густо.
Посинела на поле свекла́.
У реки побурела капуста.

Свет неяркий в домишках зажгли —
Заблестели под лавкой копейки.
Без меня мимо други прошли,
Подпоясав ремнём телогрейки.

Полон дыма рассвет на Руси.
Колокольня от гуда оглохла.
На колодце ведёрко висит,
И ещё на бочках не обсохло.

Изменившись заметно в лице,
На ходу сняв с подставки бадейку,
Показалась вдова на крыльце,
Оголив лебединую шейку.

* * *

Ночью мерещатся яркие сполохи,
След дождевой колеи.
Дикие голуби тщетно в подсолнухи
Прячут печали мои.

Ох, далеко ещё людям до осени,
До травматизма на льду.
Что ж раньше времени отплодоносили
Яблони в райском саду?

Я, помолившийся Божией Матери,
Слышу, идя по селу,
Как за сараем твоим гастарбайтеры
Дёргают бензопилу.

Где пацанва в дождь пускает кораблики,
Песню спивает хохол,
Лет через десять мне вынесешь яблоки,
Выпачкав белый подол.

г. Москва

ВАЛЕНТИН ГОЛУБЕВ

СОН

Не заметил никто, как с далёкой звезды
Луч зелёный послали к Земле небеса.
Век ходить по грибы, далеко ль до беды —
Разрастаясь, пошли в наступленье леса.

Подрывая фундаменты наших домов,
Разрыхляя брусчатку пустых площадей,
Из каких закоулков дремучих миров
Наступают леса, окружая людей.

На фабричном дворе разрослись тополя,
Сквозь деревья не видно цехов корпуса.
Окружая людей, на тебя, на меня,
Как зелёная рать, наступают леса.

И взойдут над планетой зелёные дни,
И в судьбе уцелевших настанут тогда
Только чащи, да пущи, да дебри одни,
Беспросветная будет в их жизни тайга!

...Я проснулся,
А кажется, только прилёт.
Завтра Троицын день. За окошком гроза,
У старинной лампадки чуть жив фитилёк,
И в берёзовых ветках в углу образа.

СЕРГЕЙ ХОМУТОВ

* * *

Такое времечко настало —
Сплошная горечь и досада...
О рае думать не пристало,
Но, как могу,
 бегу от ада.
Уже с отчаяньем, но всё же
Усталой совестью хватаюсь
За то, что ближе и дороже
И от святынь ещё осталось.

Чем я владею, —
слабым словом,
И не всегда, наверно, Божьим;
Что я смогу несмелым слогом
Здесь изменить,
Что все мы сможем?
Когда кресты в России рубят...
А головы?.. Судите сами,
Коль столькоких невинных губят, —
Они стоят перед глазами.
Бежать?.. Стремиться?..
Где решение?
Молчат и пастырь, и калика...
Лишь звёзд полуночных круженье
Да тишина, что громче крика.

* * *

На последнем стоим, на последнем своём рубеже,
Или сдали его, отошли за окопные метры?..
Мы детей растеряли и внуков теряем уже,
И в разрушенных душах свистят первобытные ветры.

Да и надо ли, здесь погибая, кого-то спасать,
Если это как будто совсем никому и не нужно;
А великое слово кто может сегодня сказать,
Коль Отечество наше бессильно, по сути, недужно?

Есть надежда ещё — весть пройдёт по родной стороне,
И в Мече, и в Кресте наша воля сполна воплотится.
Но подымет ли нас вечный Маршал на белом коне,
Что уже не земною, небесной дорогою мчится?..

г. Рыбинск

ЮРИЙ МАНАКОВ

КНИГА МОЯ

Ещё во мне бродит стихия дороги,
И я расстоянья любые сомну,
Пройду по горам, и крутым, и пологим,
И где-нибудь на море встречу весну.

Я знаю, что жизнь не такая, как прежде,
Всё спуталось в ней и в потёмки ушло,
Но к свету — вперёд! — я шагаю в надежде
На то, чтобы с солнцем мне вновь повезло!

И пусть пребывает на всех Божья милость,
А мне снова в путь от родного крыльца,
Ведь книга моя, та, что в детстве приснилась,
Ещё не дописана мной до конца.

КАЛИНА КРАСНАЯ

Десятый класс, апрель, “Калина красная”.
Из кинозала вышел я другим,
И целый год прожил под знаком праздника.
Я был тогда смертельно молодым.

Пуская не для меня цветут акации,
И жизнь прошла, я не скажу — как сон.
Я в ней прощал, и приходилось драться мне,
Унижен я бывал и вознесён.

Но и во тьме без провожатых хаживал,
Потом с трудом на солнце выползал.
Ни у кого поблажек не выпрашивал,
Всегда я помнил старый кинозал:

Пригорок. Храм. Егор Прокудин плачущий,
От боли и прозренья, от стыда.
Такие мы. Пусть знает всякий алчущий —
Не взять нас никому и никогда!

Рудный Алтай

ВЛАДИМИР ЧИСТОПОЛОВ

* * *

Советской властью на пост назначенный,
Он не любил её, как раскулаченный.
Страна огромная. Оплот шатается.
За папу с дедушкой он рассчитается.

В котле страны кипят для вас такие щи,
Не расхлебаете ужо, товарищи.
Запомнив накрепко обиды детские,
В бараний рог согнёт вас всех, советские.

Глядя на ближнего глазами добрыми,
О привилегиях сказал он вовремя.
И тонко чувствуя приметы времени,
Для всех простым он стал, не хуже Ленина.

Совсем по-ленински в одежде простенькой
В трамвае ездил он, кажись, по осени.
Но за углом ждала машина личная,
Да, привилегия — но не публичная.

Радел за каждого, словно за брата он:
Чтоб всё по-честному и все богатые...
И так как не было вблизи поленницы —
На БТР полез совсем по-ленински.

И очи гордые. И речи пламенные.
А люди слушали, кричали: “Правильно!”
В волнах политики он плывал выдрю,
Так президентом его и выбрали.

И лишь забрался он по этой лестнице.
Дал волю жуликам и околесице.

г. Йошкар-Ола